

Зоя РАБИНОВИЧ:

Любви сейчас мало. Того, что было в избытке в тяжелую годину

Награды заслужила Зоя Александровна нелегким и благородным трудом.

96-летняя
ТРУЖЕНИЦА ТЫЛА,
В ЭВАКУАЦИИ
ПРИБЛИЖАВШАЯ
ПОБЕДУ, СЧИТАЕТ,
ЧТО НУЖНО
СМОТРЕТЬ
НА ЖИЗНЬ
ПОЗИТИВНО

Ветеран с годами не утратила ни чувства юмора, ни обаяния.

Моя встреча с Зоей Александровной, труженицей тыла, награжденной медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны», началась за чаепитием. Мы говорили о своем, о женском, о том, что к лету сотни дам мечтают похудеть. И Зоя Александровна — изящная, в туфельках на каблуках, выглядящая — ну, лет на 30 — 40 моложе, тут же, скинув туфельки, продемонстрировала мне комплекс упражнений для того, чтобы быть в форме. И в заключение легко сделала «березку» — из положения лежа на спине, опираясь на лопатки, подняла ноги вертикально. Замерла.

Зоя Александровна к балету отношения не имела. Всю жизнь работала на сугубо мужской работе — инженером по автоматизации прокатного стана. То есть занималась процессами выплавки металлов.

ОБЕЩАЛА — ЗНАЧИТ, ВЫЙДУ!

— Главное — движения в упражнениях должны быть плавными, не нужно торопиться! Тогда эффект будет больше. А вообще я йогой занимаюсь, по три ведра холодной воды по утрам на себя выливаю. Хожу в походы небольшие по Ленинградской области, в театры, на выставки. Вот была недавно в музее, увидела снаряды военного времени — и душа замерла. Точно такие снаряды мы выпускали на заводе под Свердловском, в эвакуации.

— Это вы в блокаду были эвакуированы?

— Еще до начала блокады. Мой отец Александр Рабинович был очень известным адвокатом. В частности, защищал в суде Соньку Золотую Ручку (и на том процессе доказал, что Сонька хоть и воровала, но все награбленное отдавала нуждающимся!). Мы жили по тем временам небедно: у нас была большая квартира — с детской, столовой. Но жили, как и многие тогда, в страхе: к кому ночью придет черный воронок, кто следующий? Я училась в школе №102, и время от времени кто-то из учениц исчезал вместе с родителями.

До войны я окончила школу, поступила в ЛЭТИ, на факультет электропривода, даже закончила два или три курса. В 17 лет замуж вышла. Познакомилась с будущим мужем Петром Ефимовичем на пляже в Сестрорецке (еще школьницей была). Он мне практически сразу сделал предложение. Обещала, что через год отвечу. И он год очень трогательно ухаживал за мной, встречал у дома и провожал в школу. Родители как узнали о предполагаемом замужестве, так на дыбы. Но я, когда год прошел, стояла на своем: «Обещала — значит, выйду», и мы пошли и расписались. Как объявили о начале войны, он хотел уйти на фронт. Но в армию его не взяли, сказали, что пошлют с институтом в эвакуацию и что предостан там работать на оборону. И мы уехали в Свердловск.

ЛЕНИНГРАДЦЕВ ВСТРЕЧАЛИ ОЧЕНЬ ТЕПЛО

— А родители остались в Ленинграде?

— Да. Тогда же никто не предполагал, что все так ужасно будет. И — вот судьба: мой брат Яков был в списках эвакуированных. И — не поехал, прямо с вокзала вернулся домой (я об этом уже потом узнала). Началась тревога: отец с матерью вышли из квартиры, прижались к стенке в парадном. А Яша вместе с другими ребятами спрятались под аркой, в подворотне. И вот взрыв фугасной бомбы: дом — разрушен, отец с матерью — ранены (их отвезли в больницу рядом со Смольным), а брат и другие ребята, прятаящиеся под ар-

кой, — погибли. Когда родителей выписали из больницы, их поселили в 6-метровую комнатку в другом доме. Мама до конца дней не могла оправиться от смерти сына.

Я увидела своих родителей уже в Свердловске, куда их эвакуировали зимой 1941 — 1942 годов по Дороге жизни. Выглядели они — не передать как. Два скелета, причем у матери были настолько отекавшие ноги, что напоминали тумбы, из которых при нажатии текла вода. И оба были завшивлены до крайности. Родителей поселили у разных людей. Мать — у женщины, у которой был маленький ребенок. И они уступили свою кровать моей мамочке! Ленинградцев вообще встречали очень тепло.

— А вы в то время работали на заводе?

— Да. В поселке под Свердловском был тогда уже филиал московского завода «Красный металлист». Сначала взяли чернорабочей. Должна была смазывать металлические корпуса снарядов. На заводе изготавливали эти корпуса, а начинать их порошком должны были уже на другом заводе. Перед отправкой нужно было обработать эти корпуса — металлические колбы с дыркой — густой мазью — тавотом. Смазывали прямо на улице. А морозы в Свердловске — под 30 градусов. Смазываете и видишь, как кожа на руках слезает. Потом мне полегче стало: перевели в ОТК. Я должна была замерять снаряды перед укладкой в ящики. Но это уже было в закрытом помещении.

Смены были длинные, тяжелые. И опаздывать на работу было нельзя. Пять минут опоздания — и все, под трибунал. Поселили нас в комнате: кровать, стулья и больше ничего. Но были и этим довольны. А с едой, конечно, было сложно. У меня потом от недоедания нарывы на голове появились.

А КТО-ТО НАЖИВАЛСЯ НА ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ГОРЕ

— Отец мне четко сказал, что я должна получить высшее образование. И я поступила в Уральский политехнический институт. Жили мы — 58 девочек в одном помещении с двухэтажными нарами. И голодали: нам было положено по 400 граммов хлеба и тарелка жидкой баланды. Но я училась хорошо, была лучшей на курсе. А от голода, представляете, как-то на выпускном экзамене все забыла. Память пропала. Стою и молчу. Преподаватель (он меня знал, я у него училась) все понял, сказал, чтоб шла домой, поела, поспала, и тогда на экзамен. Сдала потом на отлично.

А вообще я хочу отметить: взаимовыручка в то время была потрясающая. Я как-

то карточки потеряла, так девочки меня подкармливали. А как-то мы с подружками решили хлеб свой, что по карточкам получали, продать и купить на эти деньги картошки на рынке. Продали, а нам вместо денег всучили «куклу» (пачку бумажек, купюра была только сверху). Кто-то тогда наживался на народном горе.

СМОГЛА СДЕЛАТЬ КОЕ-ЧТО ПОЛЕЗНОЕ ДЛЯ ГОРОДА

— А теперь давайте о смешном. Рассказать, как в стуженке искупалась? Меня в Ленинград направили после окончания института. Я в цехе как-то должна была проверить щиты, на которых монтировалось оборудование. Нужно было на что-то залезть, чтоб дотянуться. Для этой цели поставили бочку. Встаю — и проваливаюсь в стуженку. Я — маленькая, и той стуженки мне чуть ли не по шею. Отмывали меня тогда долго.

— Вы всю жизнь проработали в металлургии, имеете правительственные награды за изобретения. Но я смотрю, на стенах вашей комнаты — театральные афиши, фотографии, на которых вы — на сцене...

— Это уже когда я стала пенсионеркой, пошла работать в Дом культуры имени Ногина. Я там организовывала выступления, лекции. Кстати, смогла переманить к нам лучших лекторов города.

А знаете, что самое полезное сделала для города? Не в смысле развития тяжелой промышленности, а в общечеловеческом? Я лет двадцать назад добилась разрешения ставить на кладбище при крематории вертикальные памятники. Это когда у меня второй муж, моя единственная большая любовь в жизни, умер и его прах там захоронили. Прихожу зимой на кладбище — и ничего не разобрать. На могилах низенькие плиточки замечены снегом. Люди в горе блуждают по кладбищу, не могут найти захоронения родных. Я занялась этой темой, нашла ответственных за проект. Ко мне отнеслись очень внимательно. Все было сделано.

— Сейчас люди часто жалуются на жизнь, говорят, что все плохо. Как вы оцениваете происходящее?

— Все познается в сравнении. Можно сказать, сейчас мы все живем в райских условиях. Это в войну было тяжело: голод, потеря близких, друзей. Вот это страшно. Да и вообще нужно учиться смотреть на жизнь позитивно. И любить людей. Любви сейчас мало, сострадания к ближнему. Того, что было в избытке в тяжелую для страны годину.

— Куда пойдете на 9 Мая?

— Обязательно перед салютом к зданию Биржи. Там каждый год собираются горожане и поют песни. Ветераны поют вместе с молодежью. Этой замечательной традиции много лет.

Полностью материал
читайте на нашем сайте
vppress.ru

Беседовала
Татьяна ТЮМЕНЕВА
Фото автора